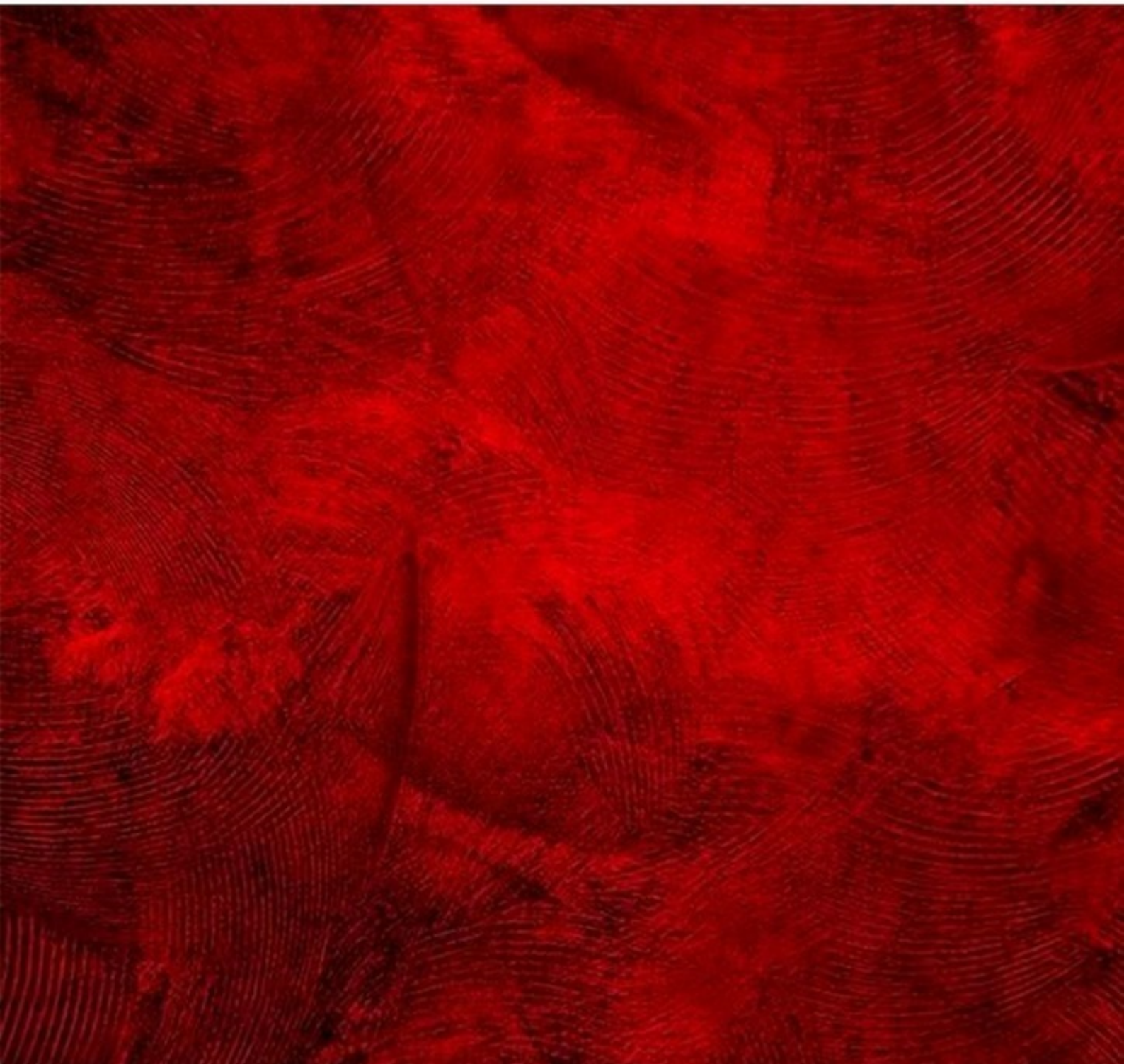
Роман Кислицын

ПУСТОТА

ПОЭЗИЯ 21 ВЕКА

Роман Кислицын

Пустота. Поэзия 21 века

«Издательские решения»

Кислицын Р. А.

Пустота. Поэзия 21 века / Р. А. Кислицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681109-6

Сборник стихов Романа Александровича Кислицына — это глубокое философское исследование человеческой природы и бытия, воплощённое в современной поэзии.Его произведения сочетают в себе искренность чувства, интеллектуальную глубину и тонкую лиричность, раскрывая темы самопознания, внутренней свободы и поиска смысла жизни.Этот сборник станет ценным открытием для тех, кто ищет в поэзии не только красоту слова, но и философскую мудрость.

ISBN 978-5-00-681109-6

© Кислицын Р. А.
© Издательские решения

Содержание

Ла кисАс	6
Итди	7
Границы	9
Календарь	11
Слуга	12
Ебесо	13
Вспомнить Всё	14
КОФЕ	15
Ро-мам	17
Метаморфоза	18
Жуткий холод	19
Ты ничего с собой не заберёшь	20
Все дороги ведут в никуда	21
Сын Мой Возлюбленный	22
Оля Еван	23
Одуванчик	24
Берёзы	25
Слепая материнская любовь	26
Утро	27
Я должен продолжаться!	28
Я так обожаю, когда ты смеёшься…	29
Песня	30
Игра Царей	31
Сегодня	32
Ближнего возлюби	33
Дух	34
От и До	35
Славяне	36
Нетленный	37
Тайна	38
Огнеборцы	39
Всем Русским посвящается	41
Аз Есмь!	42
Умирают роли	43
Амон Ра	44
Не мир, но меч	45
Качели	46
Вечное сейчас	47
Безродный сын	48
На кой	49
Восьмеричный путь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пустота
Поэзия 21 века

Роман Александрович Кислицын

© Роман Александрович Кислицын, 2025

ISBN 978-5-0068-1109-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ла кисАс

В обычной жизни не люблю готовить,
Умею, получается, но нет,
А вот один рецепт могу напомнить,
Я по нему кухарю тыщи лет.

Берём казан и заливаем память,
На гневе медленном доводим до кипенья,
Как только в ней обиды станут таять,
По вкусу, мелко, накрошить терпенья.

Приправой, ужас вакханальной ночи,
И первый луч, последнего рассвета,
Вывариваем жалость, что есть мОчи,
Для аромата, две щепотки лета.

Взбиваем страх, напополам с любовью,
Это затем, чтоб совесть не горчила,
По верху, густо, заполняем болью,
Меня такому Смерть, сама, учила.

Слегка помешивая, добавляем злости,
Чтоб хладнокровие подялось к верху пеной,
Ладонь в кулак, – чтоб захрустели кости,
Готовя элексир от жизни бренной.

Дать настояться, месяц или год.
Никто, поверьте, не останется «голодным».
Зачем так долго? – Превращаем в лёд!
Я это,«блюдо», подаю холодным…

Итди

Смеёшься громко – будешь громко плакать,
Жизнь не прогулка – это часть пути,
Путь, поднимаясь, подразумевает «падать»,
Что хочет путь? Да ничего, идти.

Наивным кажется, есть где-то жизнь получше,
И чаще там, где их, наивных, нет,
Индифферентно им в воде или на суше,
И заблужденьям этим миллиарды лет.

«Молочных рек, кисельных берегов и денег,
И обязательно за тридевять земель!» —
Увы, и я когда-то этих мыслей пленник —
Кабак, подраться, казино, бордель…

А что же путь? А путь надо идти,
И в ясный день, и ночью сквозь метели,
Через гордыню, чтоб сказать «прости»
Душе другой, с твоей чтоб вместе пели.

Идти, идти, идти, идти, идти
Из жизни в жизнь через грехи и веру,
Встречаться тем, чьи встретятся пути,
Нажраться «в хлам», при этом зная меру.

Ох, этот путь из ниоткуда в никуда!
Всё, что здесь дали, тут же и оставишь,
Но никогда мы не уходим навсегда,
Мы навсегда и есть (ну, если понимаешь).

Смеёшься громко – будешь громко плакать,
Жизнь не прогулка – это часть пути,
Путь, поднимаясь, подразумевает «падать»,
Вставать и падать, прежде чем взлетим…
А пока эллипсис
Под час не видя дальше носа,
Всё с ног на голову встаёт,
Встаёт под тяжестью вопроса:
Коль жизнь случилась, кто живёт?!

То тело, что мы рядим в ризье?
Те мысли, что кишмя кишат?
Или то «нечто», что капризно,
Задав вопрос, ждёт результат?

Ты вёл беседы сам с собой?
А кто те «двое», что общались?
Отец и сын? А дух святой?!
Там, вроде, в трио собирались?

И каждый в собственном мирке,
Всё видят, слышат, понимают,
Есть, кто со скипетром в руке,
Есть, кто свой скипетр роняет.

Круговорот из Яня в Инь,
Из Иня в Янь, потом обратно,
Утратил скипетр свой – сгинь!
Искал, обрёл – воскрес стократно!

Но жизнь, случилась, мы живём,
Таскаем «дом» свой, как улитка,
«Дом» обветшает – скинем «дом»…
Аз Есмь! А тело – лишь накидка.

Границы

Научись выходить за границы
Тех флажков, что расставлены кем-то,
Суждено было – вот и родился,
Но не факт, что вот это – планета.

Дали имя, одели, обули,
Пальцем ткнули – туда и стремишься,
Обобрали, распяли, надули —
Им неведомо, кем ты родился.

Гадкой уткой в прекрасную лебедь!
Да, не спорю, бывает обратно,
Кто по правилам строго, те – челядь,
Ведь законы для них, вероятно?

Кто придумал законы, тот правит,
Ведь законы – оно ведь удобно,
Им зачем, чтобы крылья расправил
Сильный малый, что дышит свободно?!

Через страх и вину унижают,
Сами с ровной спиной да у солнца,
Хитро всё, да немногие знают:
Бумерангом однажды вернётся.

Научись выходить за границы
Тех ловушек, расставленных кем-то,
Попытайся в себя же влюбиться,
А другого и нет инструмента.

Всё, что дали как знанье, отвергни,
Тем постигнешь ты знанье иное,
Городской, может быть, из деревни,
Допусти то, что не было Ноя.

И по парам всех тварей не спас он,
По-другому всё было, иначе…
Неожиданно? Верю, согласен.
Но бывает и воины плачут.

С ног на голову всё неустанно,
С самых пор, от которых ты помнишь,
Да, покажется, может быть, странно,
Но не тех ты волков сейчас кормишь.

В тишине я под градом сомнений,
Жажда мучит всё знать, не водицы,
Поженились Бездарность и Гений,
Безвозвратно стирая границы.

Календарь

Я давно проскочил эти даты —
Двадцать, тридцать и возраст Христа,
Мне однажды пошёл сорок пятый,
А однажды дошёл и настал.
Я давно проскочил эти даты,
Где Союз развалили скоты,
Молодой был и рано в солдаты,
Но я воином стал пустоты.
Я давно проскочил эти даты,
Когда правда утОпла во лжи,
Я тогда часто сильно поддатый,
Я тогда чуть чего за ножи.
Я давно проскочил эти даты,
Не творил, не ваял и не жил,
Я искал, кто во всём виноватый,
И, возможно, найдя бы, убил.
Но грех на душу брать не пришлось,
Из рассветов ныряя в закаты,
У себя обнаружил я «ось»,
На которой все вертятся даты.

Слуга

Я боюсь что-то сделать не так,
За «не так» я боюсь оскорблений,
Я боюсь, что мне скажут: «Дурак!»,
И тем паче боюсь обвинений.

Обвинений, что я не такой,
Не похожий на тех, кем зачатый,
До меня, недовольных собой,
Образца тех, до них виноватых.

Почему?! – Это больно до слёз,
А за слёзы себя ненавижу,
Ненавижу себя?! Вот вопрос:
Что есть Я из того, что я вижу?

И вот так вот я как-то живу,
Мне не скучно, таких миллионы,
Страх внутри нас, а мы на яву,
Сам снаружи, внутри легионы.

Вот бы взять эту мощь под уздцы!
Но неявных побед не оценят…
Кто не вкладывал в раны персты,
Те без Бога и Чёрта, но верят.

Похвала и хула – две сестры,
День и ночь, свет и тьма – кто ещё там?
Дух Святой, Сын, Отец – этих три,
И разыграно всё, как по нотам.

Я боюсь что-то сделать не так,
И не сделать боюсь, несомненно!..
Инструмент страх, не друг и не враг,
Он слуга у Того, кто Нетленный.

Ебесо

Давай с тобой поговорим о мне.
Я груб, жесток, а, может, жалок?!
Я – глина в этом жизненном огне,
Что жжёт меня и не жалеет палок.

Как стал таким? Возможно, восхотел?
Ведь только боль воспитывает ярость.
Чтоб понимать сие – сменил немало тел,
Вторым же счастьем выбрал себе наглость.

Зачем?! О-о-о, это не ко мне!
Я – кнут, хоть вы хотели пряник,
Я не из тех, чья истина в вине*,
Я тот, кто сам себе по жизни праздник!

**истина в вине – в значении «вина», «быть виноватым»*

Вспомнить Всё

Для тех, кто почитал отца и мать,
А позже почитал себя и в целом книги,
Известно: единицам лишь дано понять,
Как из прочитанного вычленяют фиги.

Отец и сын, и тот, кто между ними, —
Святая троица, как кто-то говорит,
Никто в реале и не видел их живыми,
Но сила-то и впрямь животворит.

Отец пугает – ну а сын боится,
А тот, кто между, просто наблюдает,
Отец подначил – ну а сын стремится,
А тот, кто наблюдает, не мешает.

Один смешит – ну а второй смеётся,
А третий беспристрастно созерцает,
Один гнобит – ну а второй трясётся,
А третий как бы здесь, но не влияет.

Один погнался – а второй бежать,
А третий смотрит, смотрит, смотрит..
Он даже и не силится понять,
Он соглашается и никогда не спорит.

Нас мысли и пугают, и смешат,
И мы, наивные, пугаемся, смеёмся,
А если мысль не достигает результат,
Мы кем-то между этим остаёмся.

Пути Господни – не твои пути!
И очень многим не понять вовек:
На три раздробленных в единство возвести,
СЕБЯ чтоб вспомнить, должен человек…

КОФЕ

Я чашку кофе заварил —
Воистину божественный напиток!
Горячим, правда, я его не пил,
Хотя и было несколько попыток.

Ну что ж, я в руки книгу взял
Прочесть абзац, другой…
Пока мой кофе остывал,
Читал, качал ногой…

Абзац, другой, страница, часть…
Читаю между строчек…
…Кому принадлежит та власть,
Что формирует почерк?!

Что сделать первым, что вторым,
Где подождать, а где стремиться,
Как время делает седым,
Когда мне вечно детство снится?!

Кто есть мой враг, а кто мой друг,
И почему они похожи?
Там, где внезапность, есть испуг,
И счастье может быть до дрожи.

Добро и зло, как тьма и свет,
На каруселях нас катают,
Где есть одно, другого нет,
Их люди целым не считают.

И жизнь за руку водит смерть,
Как неразлучную подругу,
Потом меняются, и впредь
Всё повторяется по кругу.

И жизнь, и смерть – всего лишь форма! —
Есть нечто целое по сути,
Рождаться, как и сгинуть, – норма!
(Не надо нагонять здесь жути).

А смысл в чём? А смысла нет!
Ты вечно там где что-то любишь,
В безвременьи не нужно лет,
Ты созидаешь тем, что губишь.

Ох, разморило!.. Я уснул,
Морфей сокрыл мои печали…
«Ну, и приснится ж!» – я вздохнул,
И тут же в двери постучали…

Открыл: «А, это ты, с косой,
Уже заждались на Голгофе?
Сейчас, секундочку, постой,
Я ледяной свой выпью кофе…»

Ро-мам

Мама, мама, зачем ты льёшь слёзы?!
Ах, ну да, понимаю, не знала.
Там, где пальмы, не всходят берёзы…
Ты зачем сына Ромой назвала?!

Наше имя, мать, – меч наш и знамя!
Как кого нарекли, тем и станет,
Вроде, с виду он лёд, в сердце – пламя,
А от жара в нём сталь в пепел тает!

ГРомом мата в РОМАшковом поле,
Через полки любовных РОМАНОВ
Мне РОМАНтиком быть поневоле,
И жрецом, на санскрите «бРаманом».

С КостРомы я с РОМАНсом до РИМА
Подшофе от пиратского РОМА
Проникаю в хоРомы без грима
КомпРоматом зловещего бРома.

Если грех мой – азарт игРомана,
То АМОР стал отцом полукровке,
Слёзы льёте впустую вы. мама,
В аккурат Ромка ходит по кРомке!
На бис
Ты не подскажешь, кто играет?
А счёт какой? Четыре: ноль.
Блаженный тот, кто себя знает,
Здесь и сейчас играя роль!

Я помню всё, точнее много,
Я даже смог себя простить,
Спросил себя, убивший бога:
– Вот как вот с этим дальше жить?!

Как прежде? Как кардиограмма —
То резко вверх, то так же вниз?
И сути не поняв ни грамма,
Живу за разом раз на бис.

Метаморфоза

Великие планы, безумные цели,
А, к счастью, не сделано даже полшага.
И, вроде, мечтали, и сильно хотели,
Но меч помогает, когда есть отвага.

И круг заколдован, и ходим по кругу,
Всё там же по памяти вновь спотыкаясь.
Уже ненавидя, киваем друг другу,
Но фиги в карманах несём улыбаясь.

И всё надоело, и нет больше мочи,
И как по-другому, увы, я не знаю,
Из радости только, что день сменит ночи,
Бегу от себя и себя ж догоняю.

Разрушить, воздвигнув, – скажите, как это?!
Стучите – откроют! Стучался, открыли.
Не только зима превращается в лето,
И бабочки гусениц напрочь забыли.

Заставить свой ум, чтобы сердце услышал!
Ведь мысли без действия лишь обещают,
Хотел быть несчастным, да рожей не вышел,
И ползал бы дальше, да крылья мешают.

Жуткий холод

Откуда взялся этот жуткий холод?
Возможно, кем-то не закрыта дверь?
Нет, не войдут в неё ни жажда и ни голод,
Ни лютый враг, ни заплутавший зверь.

Откуда взялся этот жуткий холод?
И почему он пробирает до костей?
Я б выдумал любой безумный повод!
Вот только мне сейчас не до гостей.

Откуда взялся этот жуткий холод? —
Не стало рядом родственной души…
И в озаренье мне последний довод:
Я сам теперь и в ледяной тиши.

Откуда взялся этот жуткий холод?
И жжёт, как будто пламенем огня!
В окно смотрю на ненавистный город,
А этот город смотрит на меня.

Откуда взялся этот жуткий холод? —
Ушла душа и не закрыла дверь.
Я силюсь вспомнить, стар я или молод,
Я друг, я враг, я человек, я зверь?

Откуда взялся этот жуткий холод?
Да это ж вечностью пахнуло мне в лицо!
Ударив в колокол, выбрасываю молот,
Широким шагом выйдя на крыльцо.

Откуда взялся этот жуткий холод?
Остыла радость, нынче час потерь…
На ДО и ПОСЛЕ мир мой стал расколот
Без тех, ушедших, не закрывших дверь.

Ты ничего с собой не заберёшь

Ты ничего с собой не заберёшь
И никого не сможешь взять с собою
В тот путь – дорогу, коим ты уйдёшь,
По тропам тем, протоптанным судьбою.

Накопишь вдоволь, а в итоге – прах,
Посадишь дерево, построишь, воспитаешь —
Всё узаконишь в собственных правах,
Но всё, что есть, в итоге оставляешь.

Кто – то воскликнет: «Детям, правнукам, родне!»
Увы, медвежую услугу не оценят…
Из глины мы, чтоб камнем стать в огне!
Кто сам не стал, былое обесценит!

И будь ты царь – за здорово живёшь,
Святой и праведный – здесь не играет роли,
Ты ничего с собой не заберёшь,
Тогда на кой тебе все явки и пароли?!

Чтоб что- то взять у тела руки есть,
Чтоб унести чего, для этого есть плечи,
У многих голова, чтобы в неё им есть,
А вот критично думать – нет об этом речи.

Ты ничего с собой не заберёшь,
До этих мелочей тебе не будет дела,
Нетленной силой в вечность ты шагнёшь,
Отбросив даже собственное тело!

Все дороги ведут в никуда

Все дороги ведут в никуда,
И всегда их конец – их начало,
Жизнь есть то, что у нас навсегда,
Бесконечность, ни много, ни мало.

И куда б ты ни шёл, ты есть путь,
Ни следов у тебя, ни тропинки,
Только сердцем ты чувствуешь суть,
Но, увы отвлекают картинки.

И ты будешь идти и идти,
Будешь течь и парить созерцая,
Будешь тратить, чтоб приобрести
И терять нечто приобретая…

Все дороги ведут в никуда!
И от этого факта не деться,
У дороги нет сердца – беда!
Счастлив путник дорогою сердца!

Сын Мой Возлюбленный

Сын мой возлюбленный, внимай,
А коли внемлешь, будь достоин!
Жизнь как возможность принимай,
И ты не праздный гость, но воин!

Сын мой возлюбленный, внимай!
У всех медалей есть ребро.
Жизнь не живи свою – играй!
И станет внешне, как нутро.

Сын мой возлюбленный, внимай!
Я оболгу всё во спасенье,
Ищи, учись, пойми и знай,
Чтоб умереть для воскресенья!

Сын мой возлюбленный, внимай!
Я буду лгать и лгать безбожно,
Чтоб путь ты сердцем выбирал
С умом и очень осторожно!

Сын мой возлюбленный, внимай!
Без кривды правды быть не может,
Став мужем, отроком сыграй,
Не умный – мудрый это сможет.

Сын мой возлюбленный, внимай!
Отняв ребро, дам половину,
Но ты с ней время не теряй.
Узревший лик – да видит спину!

Оля Еван

Дорога в никуда с рождения до смерти,
Ты знаешь всё от финиша до старта.
Ум для того, чтоб мысли вязли в шерсти,
И дрябнет сердце, в коем больше нет азарта.

А правила для тех, кто жить без них не может,
Суды для слабых, ибо сильный прав.
Несчастным их несчастье не поможет,
И человек – не тело, человек есть нрав.

Всё на виду, ведь лучше и не спрячешь!
Но понимать сие, увы, дано не всем…
Нахохотавшись вдоволь в равновесье плачешь-
Никак иначе от наречия «совсем».

Одуванчик

Бабулька-одуванчик, Божий человек!
Взывает к смерти, а грехов боится…
Она уже устала коротать свой век,
Из всех утех её осталось лишь молится.

Бабулька-одуванчик, Божий человек —
Масштабы вечности в хрустально-хрупком теле!..
Я сквозь тебя смотрю, не опуская век,
Но смотришь ты через меня на самом деле.

Бабулька-одуванчик, Божий человек!
Почти сто лет – вот это эстафета!
Ты в непослушном теле продолжаешь бег
С беспомощным вопросом: «А зачем всё это?…»

Берёзы

Берёзы, берёзы, берёзы, берёзы…
Смотрю я отцу на табличке в глаза…
В них нету поэзии, нет больше прозы…
И что на прощание ты б мне сказал?…

Берёзы, берёзы, берёзы, берёзы…
И он немигающим взглядом глядит,
Отныне и впредь и в жару, и в морозы
Уставший как будто меж вами лежит.

Берёзы, берёзы, берёзы, берёзы,
Вы здесь, а он где-то далёко-далёко…
И мне б докричаться! – нет сил, душат слёзы,
И я у могилы молчу одиноко…

Слепая материнская любовь

Слепая напрочь материнская любовь-
Сама калека и детей калечит,
Им через души, ядом отравляет кровь
И раны эти лишь прощение залечит!

Откуда парадокс, спрашу я, вашу мать?
Любовь до гроба и никто не виноват?!
Как перелюбленных из ада возвращать,
Когда дела благие их уводят в ад?!

Себя не ищите – «заводите» детей!
А что даёте, тряпки и еду?!
Своих боитесь до смерти чертей,
А дети вместо вас присутствуют в аду.

Ради себя, детишек на алтарь?
И оправданье не найдёт вам слов,
Как чистый лист преобразился в тварь?!.-
Слепая напрочь материнская любовь!

Утро

До необъяснимости доброе утро!
Прозрачное небо, морозец искрится,
Укрыто всё инея белою пудрой,
Я счастлив как будто, а может мне снится?!

Куда ни посмотришь, кругом бесконечность,
Черта горизонта, как старт перед небом,
Сейчас разбежаться – и прыгнуть бы в вечность!..
Но я на заданьи – я послан за хлебом.

Я должен продолжаться!

Я снова в мире, где исполнены мечты,
В саду за домом с внуком на руках,
Я на Голгофу все занёс кресты,
Но, как и прежде, по уши в долгах.

Мной пройден путь от внука и до деда,
И на руках мой внук и он же чей-то дед,
Всего достиг, но вряд ли то победа,
Ведь над собой не может быть побед!

И я шагаю в вечность через смену,
Как с вами я, так будьте и со мной!
Садившему любовь не пожинать измену,
К смотрящему в глаза не становись спиной!

И каждый день опять сменяет ночь,
Иду я по воде, мне не за что держаться,
Совсем один, мне некому помочь,
В чём суть тогда? – Я ДОЛЖЕН ПРОДОЛЖАТЬСЯ!

Я так обожаю, когда ты смеёшься…

Я так обожаю, когда ты смеёшься,
А сам, наслаждаясь, при том замираю:
То плещешь как будто, то будто бы льёшься,
А я за мгновение жизнь проживаю!

Я так обожаю, когда ты смеёшься!
Моя пустота наполняется смыслом…
Но сколько не пей из тебя, не напьёшься,
Хоть время царапает стрелками числа.

Я так обожаю, когда ты смеёшься
По-детски, до слёз, не щадя живота!..
Я счастлив уже, если ты улыбнёшься —
Мистической силы твой смех, Красота!

Песня

Мелодия одна ко мне пристала,
До тошноты в уме моём крутилась,
И раз за разом от начала до финала,
Страшнее мне в кошмарных снах не снилось.

Выходит, что ж – собой не управляю?!
А кто изгонит песню из подкорки?
Нет, сам я сани за собой тягаю,
Так глупо было б не скатиться с горки!

Есть нечто в нас, чем мы не управляем?
Работой сердца, почек, лёгких, селезёнки
Мы управляем, только как – не знаем!
А ведь лет сорок, как покинули пелёнки.

«Учись учиться!» – завещал Ильич,
ИстИна – свет! Так выберись из тИны!
Невежество и есть извечный паралич,
Мешающий узреть всю целостность картины!

А та мелодия – примерчик из дешёвых,
Есть мысли, что преследуют годами,
И если не позволить себе новых,
То старые забьют тебя ногами!

Игра Царей

На доске в строю фигуры
Цветом разные, но всё же
Эти тонкие натуры
Так изысканно похожи.

Пешки двинулись в атаку,
И коней не удержать!
Слон с ладьёю рвутся в драку,
Дальнобойных не разнять!

Не слышны щелчки затворов,
Залпов пушек не слыхать —
Здесь воюет только норов,
В поле насмерть бьётся рать!

Горечь первых поражений
Оставляет в сердце след,
То цена (и нет сомнений!)
Ярких будущих побед!

Тут противника не жалко,
Сильный тот, кто всех мудрей!
Доблесть, выдержка, смекалка,
Чтоб играть в игру Царей!

Сегодня

Лет семнадцать уже мы не виделись с ним,
На бегу, впопыхах мы друг другу звонили…
Вроде, я был и свой, только он был чужим —
Как – то так свои жизни мы жили.

Он стал снова отец, чей – то отчим и муж —
Я же нёс тяжкий крест безотцовства!
Мы не строили дом, не садили там груш… —
Говорят, нет семей без уродства.

Он сегодня ушёл – а внутри пустота…
Нету слёз эту пропасть заполнить!..
Мне по жребию выпали те же места,
И мне так тяжело это помнить…

Ближнего возлюби

Всё в этой жизни сходится на мне:
Обиды, страхи, ненависть, сомненья…
Я утопаю в собственной вине,
Но если виноват, то где моё прощенье?!

И я бегу, бегу, бегу, бегу,
Без устали порой и без оглядки,
То цепенею трезвым, то в хмельном бреду,
То появлюсь на людях, то играю в прятки.

Бегу от дум своих, от умозаключений,
Бегу, закрыв и уши и глаза,
Я напролом бегу от тела ощущений,
И чем быстрей, тем хлеще бьёт лоза.

Бегу снаружи, а горит внутри,
Бегу в раю, а в сердце – пепелище,
Бегу, бегу, бегу, ты хоть умри,
Душа стремится прочь из своего жилища.

И вот я стал, а может сердце встало,
Нет, что-то тикает, похоже, время есть,
Я к небу взор поднял и посмотрел устало-
А отражений в небе всех моих не счесть.

И понял я, что я бегу на месте,
И там, где я, там всё моё со мной,
Для счастья слёзы и для горя – вместе,
А я – мой путь свозь жизнь с самим собой.

Ой, не суди себя и несудимым будешь,
А как себе отмерил, так тому и быть,
Как видишь мир, в таком миру и блудешь,
Учась смеяться, перестанешь ныть.

Я поступил, как сердце мне сказало,
Что знал о жизни, тут же позабыл,
Любой конец преследует начало,
Простив себя, себя я возлюбил.

Дух

Я – руки, ноги, голова,
Я – это туловище в целом?!
А, может, я – его слова,
В грозу написанные мелом?!

Я свист, я взгляд, я шум в ушах,
Я – мысли, сказанные вслух!
Я за спиною в трёх шагах,
Я – между встретившихся двух!

Я вечно помню, что забыл, —
Всему праматерью ЛЮБОВЬ,
И ненавидел, и ценил,
То гнев кипел, то стыла кровь!

Но я не там, не там на деле,
И снова смех мой – больше плач…
На этой страшной карусели
Я адвокат, судья, палач.

Ведь жертв всегда гнетут злодеи,
А им от жертв потом сполна!
Ум в голове, а в нём идеи —
То выше крыш, то ниже дна…

Я от воды в пути ко льдине,
А ото льда, как прежде, вспять.
Я кто-то где-то всередине,
А мне б с ЛЮБОВЬЮ целым стать!

От и До

Недо-поэт, недо-актёр…
Из тех, кого не долюбили.
То птицей ввысь, то речкой с гор…
Чьих ран в душЕ не долечили.

Недо-отец я, недо-сын…
Не доглядел и не допонял.
Виновник тысячи морщин!
Не досказал и не дополнил.

Не дотерпел, не дострадал,
Не довелось и не дождался,
Я вечно не до-умирал,
Как, впрочем, и не до-рождался…

Как будто не до-получилось,
Как будто не до-повезло,
Тьма с светом не договорились,
Как обвенчать добро и зло.

Славяне

У нас шестнадцать букв украли!
По факту – отняли треть знаний.
Всех несогласных убивали,
К согласным нету состраданий.

И Знак тот каждый – что икона,
И образ в нём поглубже неба!
Был сокол ясный, счас – два Рона,
На всех крестах – «Вина и хлеба!»

Славяне, что же приключилось?!
Вам корни рубят – вы смеётесь!
Уж крона к пропасти склонилась,
Когда, родные, вы очнётесь?!

Нетленный

Тонешь сам, значит, сам и спасайся!
За загривок себя – и на сушу,
Даже если нет сил, улыбайся!
Ты, родившись, на кон ставишь душу.

Нагнут тех, кто желает нагнуться,
Нежелающих бей – не заставишь!
К мамке в сиську хотел бы уткнуться-
На груди у жены осознаешь.

Рай и Ад – те же жизни, как эта,
То ты вверх по ступеням, то в пропасть,
Тело сбросив, как часть туалета,
Ты одетым останешься в робость,

Или в жалость, как в хитрость, как в глупость,
Умереть не дано, не рождаясь,
Вновь проявятся смелость и трусость,
В равновесии век упражняясь!

Тайна

Как красиво на самом-то деле:
Раньше я всё глядел, да не видел,
Сгоряча рвал рубахи на теле…
Вы простите, кого я обидел.

Лез на стены от собственных мыслей-
Не сбежать, не не уйти, не укрыться!
Я один – вокруг тысячи смыслов!
То ли веровать в них, то ль напиться…

Я искал – только нет виноватых!
Созревая, не помнишь об этом…
Бог давал мне таких провожатых,
Чтоб с заглавной я стал Человеком!

Примирились, обнявшись украдкой,
Гениальность моя и бездарность,
Перестало для них быть загадкой,
Что родня им – любовь, благодарность.

Разделённых собрал воедино-
Ровных тех, но шагающих вкриво.
Предо мною предстала картина,
Как на самом-то деле красиво.

Огнеборцы

Минута на сборы, в бойцовках звено,
Всё быстро и слаженно – все как одно,
Два хода с водой под завязку уже на парах!
Сирены завыли, маяк заморгал,
АЦ гарнизону свой лик показал,
В депо оставляя раздумья, сомненья и страх.

Одни еле едут, другие снуют,
И множество разных одетых в уют, —
Мы стали, ведь многим чужая беда – не беда!
Минуты, секунды, мгновенья слились,
А прямо сейчас на кону чья-то жизнь,
И дай вам всем Бог не столкнуться с таким никогда!

У наших баталий и фланги и фронт,
Где ветер всё делает наоборот,
По хлипкому полу вслепую в дыму и в огне!..
Когда чувство локтя – не просто слова,
И по эстафете любой у ствола
Стоит в полный рост, понимая что он на войне!

По стенам на ощупь – звериным чутьём! —
Сквозь двери и окна идём напролом,
Чтоб только успеть добежать, дотянуться – спасти!
И, кажется, больше уже никогда
Не будет здесь мира – огонь и вода
Смешались с словами, что, впрочем, в миру не в чести.

Из всех кругов ада в безводных местах
Людей выводили, несли на руках,
И места для счастья порой не хватало в груди.
Где каждый спасённый – подарок судьбы
За пот, кровь и труд неустанной борьбы
За жизни, в которых теперь ещё всё впереди!

Проливка, разборка, свернулись – отбой,
Седые от пепла мы едем домой,
И каждый в себе и о чём-то совсем о своём…
Что сделали, собственно, всё, что могли,
И все мы в пожарное братство пришли
Затем, чтоб бороться с стихией и ночью и днём!

Со смертью на равных не просто играть,
Подчас всё равно это ей выбирать,
Кто по – честному партию вёл, ну, а кто обманул,

Своих не забыть, никого не вернёшь,
Сегодняшний день на вчера не похож
Без тех, кто однажды в пожар, будто в вечность, шагнул…

Всем Русским посвящается

Я – РУССКИЙ! С головы до пят!
Я – РУССКИЙ духом, честью, слогом,
Не крест на мне, но Коловрат,
И рок мой – быть роднёю с Богом!

Я – РУССКИЙ! Это мне награда
Длиною в жизнь на смерть врагам!
Я – ВЕЧНЫЙ ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА:
Умру, но душу не продам!

Я – РУССКИЙ! И я горд собою
За то, что так могу любить!
Чтоб защитить, собой закрою!
Я – РУССКИЙ! Чтоб могли вы жить!

Аз Есмь!

Скажите мне, какая цель у снега?
Идти? Лежать? Растаять? Испариться?
Скажите мне, зачем скрипит телега?
И почему на это можно злиться?

Зачем да почему, какая цель —
Все-все гадают, чтоб не прогадать,
Как будто знать, как кушать карамель
По факту может вкуса добавлять.

Зачем живём и в частности, и в целом?
Ответы есть на заданный вопрос?
Увы! Круги вокруг себя рисуют мелом
Те, кто от страха взял и в землю врос.

Ответ и есть, и нет с частицею «как будто»,
И я чужих заслуг не умаляю,
Так заявить на самом деле круто:
«Замрите, ангелы! Смотрите: я играю!!!»

Да, да, играю, я играю, я – игрок!
Выходит, не живу, а попросту играю,
Играю в счастье, в то, что одинок,
В оковы ада по дороге к раю.

Играю от утра и до утра,
Играю даже в то, что не играю,
Ведь ЦЕЛЬ ИГРЫ И ЕСТЬ САМА ИГРА!
Играю в жизнь и в то, что умираю.

Но кто есть я?! Начало и конец!
Аз Есмь! Уж после Альфа и Омега…
А тело игрока – волшебный мой ларец
От зноя, ветра, пыльных бурь и снега.

Умирают роли

Они кончатся, а ты не начнёшься —
Смерть мгновенно подводит итоги!
Наяву ты однажды проснёшься
Без себя, без мечты, без дороги.

И любой – хочешь? нет? а придётся! —
Храм разрушить и в три дня воздвигнуть,
И в пустыне тебе не икнётся,
Ибо утвари храмовой сгинуть.

Воссоздашь ты по новым лекалам
Роль, которую так же отвергнешь,
И финал вновь забрезжит началом,
А ты тем, во что искренне веришь.

Они кончатся – жизни, как роли,
Но не кончится Тот, Кто играет:
Имена сменит, явки, пароли…
Он есть Вечность!
Роль умирает.

Амон Ра

Я подсажен на то, чтоб себя ненавидеть,
Крайних нет и не будет – просто так получилось!
Мир не может таких, проходя, не обидеть,
И я долго стучал, чтобы это открылось.

«Ты плохой!» – говорила мне мама нередко,
И судила меня, чтоб о ней не судили.
Мне с рождения выдана чёрная метка
И семь ангелов верных, чтоб меня защитили.

Саможалость вредна тем, что входит в привычку,
Нажалевшись себя, – ненавидишь за слабость,
Гнев бессилия с лёгкостью вырвет страничку —
Ту последнюю в жизни, за которою старость.

И всего б ничего, если б гнев не зажрался,
Только доза растёт и себя уже мало —
Ненавидишь ты всех, всё, за что бы ни брался,
И не видно уже ни конца, ни начала.

Всё, что мать говорила, я принял на веру,
Чем ближе сказавший – тем вера прочней.
Критичность мышления в полную меру!
Читать чтоб, как книги, отцов, матерей.

И отстранившись сейчас от каркаса
Тех мнений, тех мыслей, тех слов обо мне,
Я вижу как мамина смотрит гримаса
Уже сквозь меня, который вовне.

Не мир, но меч

Сначала было слово – это правда!
Но есть язык – он двусторонний меч!
Слова с него слетают, как награда,
Или хула сползает смрадно, будто желчь.

Слова, толкаясь, становились в строчки,
И рядом к ряду легион возрос,
Лишь беспристрастны были запятые, точки,
Хотя и точки «восклицали» (!) на вопрос.

Наш легион в нас вписан от рожденья,
Его писали все, кому не лень,
От первого на слух стихотворенья
До оскорблений каждый божий день.

И индивидуум, будто собранная книга
Из сказок деда и из лжи отца,
Мы – богом нам показанная фига
В морщинах гения с улыбкой подлеца.

И «книжек» много, но не все читают,
Не в смысле книг, а в смысле – между строк!
Рождённый «мёртвым» «мёртвым» умирает,
Воскрес при жизни – ты уже пророк.

И вот живут «рассказы», «повести», «романы»,
Написанные верно с чужих слов,
Где правда-матка соткана в обманы,
И всё затем, чтоб не найти основ.

Сначала было слово – это правда,
Но что есть слово? Волны в пустоте!
Слова – наш крест, свобода и ограда…
Держите меч свой в неизменной чистоте!

Качели

Качели, качели, качели, качели!..
Сними меня, мама! Но нет тебя рядом…
Чтоб здесь очутиться, мы это хотели,
Желая бездумно, не брезгуй наградой.

Опять эта лавка, опять эта ночь,
Я в сумраке этом брожу непрестанно,
И только я сам себе в силах помочь,
Вот только не делаю этого – странно…

Качели, качели, качели, качели!..
Сними меня, мама, я впрок накатался,
Вы сыто хлебали, а толком не ели,
А я как живу – уже обблевался.

Привычка страдать обмарала мне душу,
За что бы ни взялся – нет в этом предела,
Тошнит на волнах – вспоминаешь про сушу,
Насытишься твердью – и вплавь опять смело.

Качели, качели, качели, качели!..
Сними меня, мама, – пустая затея!
Ведь мама сама на качелях на деле —
Качает наш ум разногласий идея.

Я рвал отношения, связи и нервы,
Был преданным другом и лютым врагом,
Хотелось уюта, но нравились стервы,
Молили пощады, а я сапогом.

Качели, качели, качели, качели!..
Сними меня, мама, а, впрочем, не надо,
Мы сами решаем, кому надоели,
Достигнув границы и рая, и ада.

Вечное сейчас

Сквозь жизни и смерти иду я нетленно —
Играю, пою, соревнуюсь, танцую…
Бестелый, бесполый я дух, несомненно,
Хотя сомневаюсь, люблю и воюю!

Не просто, поверьте на слово, не просто,
Кто это придумал, великий игрок!
Терпение есть подтверждение роста,
А не способность иметь всего впрок.

И каждый однажды поймёт равнодушно
Себя, свою мать не просивший рожать,
А раз так случилось, кому-то ведь нужно?!
Так кто этот «кто-то» с посредником-«мать»?!

Безродный сын

Безродный сын безродного семейства
Клял всех и вся за то, что недодали,
Хотел он славы, денег, пущего наследства —
Не знал безумец, что его спасали.

Гнались собаки – а убегал от страха,
Хотел любви – а не имел надежды,
И жизни не было от праха и до праха,
Тела менял, как ветхие одежды.

И что бы было, не имей он веры?!
В себя, конечно, ни во что иное!
В тросЫ стальные скручивало нервы,
И жёг мосты, как верное пустое.

И вот однажды он пришёл с войны
В крови, в слезах, уставший, но счастливый,
Без страха, без желаний, без вины —
Поесть, поспать и снова в путь пытливый.

Он, умываясь, в зеркало сказал:
«Я за ответ „как жить?“ могу убить!..»
Кого убить, когда с собою воевал?..
Себя, родной мой, надобно любить!

Не жизнь прожить, а с честью путь пройти!
Ступай туда, где прежде не ходили,
Прости себя и остальных прости,
Любить не учат те, кто не любили.

На кой

Избит вопрос: на кой мы все живём?!
И я туда же, впрочем, не оригинально.
Сажать деревья, сына воспитать, построить дом —
Всё архипросто, то есть гениально.

Поставим цель, добьёмся – опостылит,
Поставим снова, возымеем – пустота…
Очарование бьёт разочарованных на вылет,
Но всё едино – в этом красота.

Есть смерть?! Конечно, есть как форма жизни!
Вы воздух видите?! Однако же он есть!
Сначала автор порождает на бумаге мысли
Тех очертаний кресел, чтобы нам присесть.

Ведь чьи-то мысли стали нашим домом,
А в чьи-то мысли мы сейчас одеты…
А как вам музыка, заявленная фоном,
Не ограниченным масштабами планеты?

Избит вопрос: на кой мы все живём?
Ответ банален: чтобы возлюбить
Ту воду с одухотворяющим огнём,
И только потому, что вы не можете не жить.

Восьмеричный путь

Я что-то то же, что и все,
Я из костей, одетых в мясо,
С душой, как белка в колесе,
А на плечах то шерсть, то ряса.

Волна пошла – сменились роли,
Пошла опять – и вновь обмен:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.